

невозможно удовлетворить критерии распределения, не отдавая приоритеты индивидам этих сообществ.

Существует, однако, и третий вариант дистрибутивной справедливости, под названием «глобальная справедливость». Этот вариант подразумевает преодоление традиционного понятия государства-нации и рассматривает проблемы, связанные с бедностью и неравенством, в мировом масштабе. Теоретики «глобальной справедливости» предлагают систему международных инстанций, которая будет отвечать за искоренение несправедливостей, причиненных друг другу людьми не как членами сообщества или гражданами определенной страны, а как обитателями планеты.

С точки зрения гуманизма эти три вида теорий – индивидуальная, общественная и глобальная – имеют единую цель: утверждение политики дистрибутивной справедливости, рассматривающей человека, как индивида достойного и способного к самостоятельному существованию. В настоящее время мексиканские власти развивают государственные программы по борьбе с бедностью, основанные на поощрении: люди могут говорить о своих потребностях и выбирать то, что им кажется наиболее необходимым. Это укрепляет способность принимать решения и чувство ответственности у бенефициаров.

Если человек, как самоцель, является краеугольным камнем этих размышлений и если предлагается политика, улучшающая качество жизни в достойных условиях равенства и уважения прав, то можно вполне утверждать, что дистрибутивная справедливость равнозначна ценностям гуманизма. ■

Полетт Дитерлен, мексиканский философ и исследователь, член Института философских исследований и Государственного автономного университета Мехико, специалист по вопросам дистрибутивной справедливости и государственной политики. Она в частности, автор работы *La pobreza: un estudio filosófico (Бедность: философское исследование)*, Fondo de Cultura Económica/Instituto de Investigaciones Filosóficas, 2002.

НОВЫЙ ПОВОРОТ

Отказавшись от идеи об универсальной гуманистической культуре, которую следовало бы придумать или навязать другим культурам, социальные и гуманитарные науки приходят к убеждению, что универсальные ценности уже присущи всем культурам и что повсюду в мире люди испытывают на себе опыт дегуманизации. Это должно подтолкнуть нас к размышлениям о том, что такое достойная и гуманная жизнь.

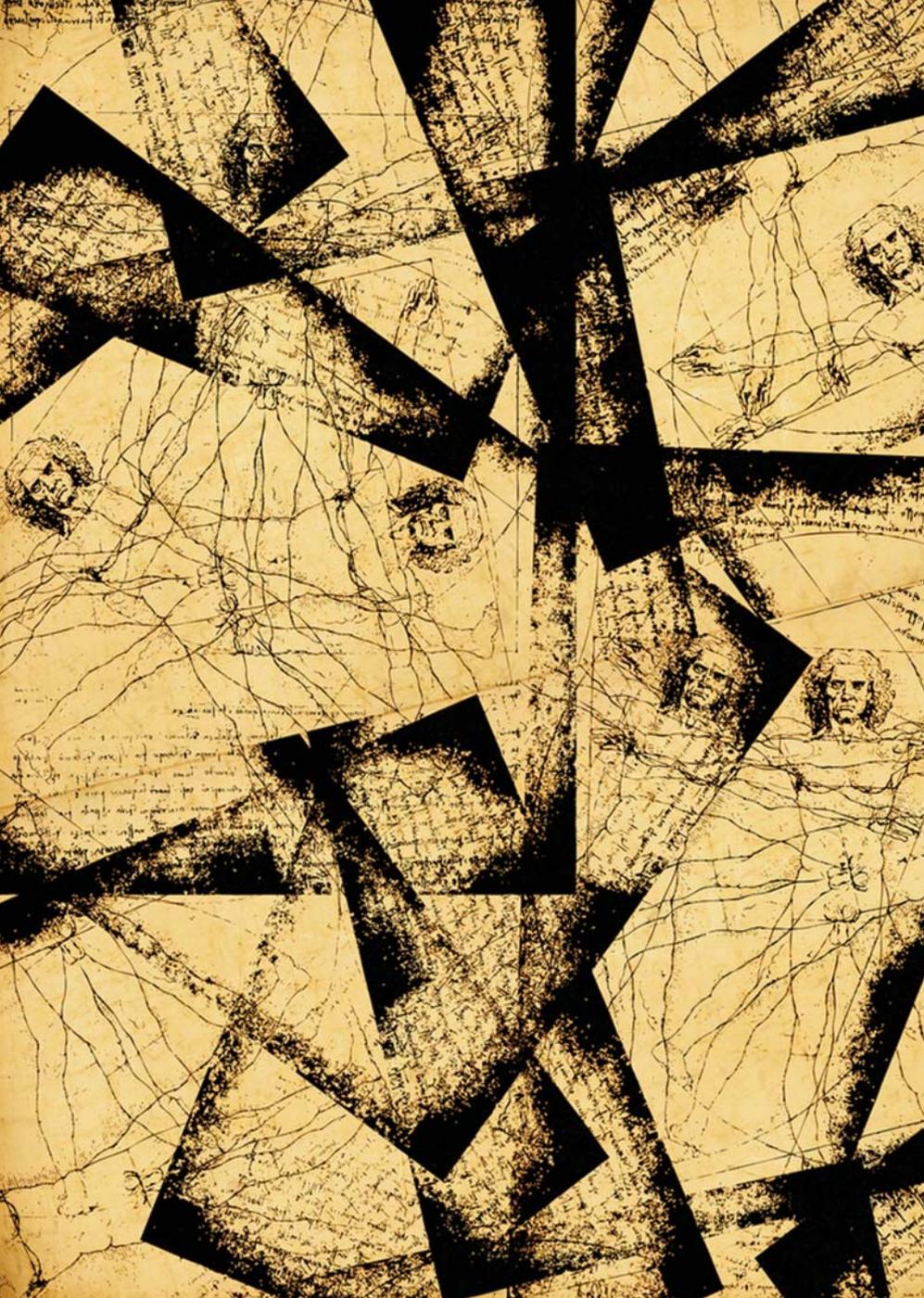
ОЛИВЕР КОЗЛАРЕК

В 1960-е годы, общественные движения во всем мире поменяли свои направления. Оставив в стороне поиск универсальных решений, все больше и больше ассоциировавшихся с тоталитарными амбициями, эти движения перенесли свой растущий интерес на признание культурных, этнических и половых различий и самобытностей. Студенческие восстания были несомненно наиболее показательными проявлениями этого глубинного переосмысления роли культуры в жизни человека. На протяжении 1960-70 годов эти изменения также отразились в политических программах и теоретических дебатах. Одновременно, интеллектуальные и научные дебаты сконцентрировались в большей степени на культуре, постепенно придя к тому, что сегодня принято называть «культурным поворотом» гуманитарных и общественных наук¹.

Этот «культурный поворот» усилил и распространил серию ценностей, в том числе, культурный плюрализм, и привел к осознанию того, что в нашем современном мире важно задуматься

о сосуществовании культур и разных образов жизни, не поддаваясь при этом соблазну свести этот плюрализм к искусственному и абстрактному единству, над которым доминировал бы лишь один круг интересов. Это позволяет нам увидеть чрезвычайно важный потенциал этого «культурного поворота». В противовес идее о том, что все человеческие культуры движутся к единой эволюционной цели (эту идею отстаивали в первые десятилетия после войны сторонники влиятельных «теорий модернизации»), «культурный поворот» восстановил идею о том, что процессы развития цивилизации и культуры – и их результаты – не следуют по предопределенной и единой логической траектории.

В то же время, каким бы важным не был этот культурный поворот, культурализм-учение о влиянии социальной среды на поведение индивидуума, породил опасный и ложный климат культурного релятивизма. Несмотря на то что ошибочность этих представлений была достаточно очевидна, они все же долгое время оставались в силе. Одна из наиболее грубых ошибок состоит в утверждении, что разные культуры по существу несоизмеримы

«Изучение пропорций человеческого тела по Витрувию» была создана Леонардо да Винчи в конце 15 века. Ее перевоплощение в работе фотографа из Шри-Ланки Джанаки Дармасена.

© Janaka Dharmasena

и непримиримы, хотя в реальности они имеют бесчисленное количество схожих черт.

Труды немецкого антрополога Кристофа Антвейлера открывают нам поразительное количество «норм, ценностей и идеалов», которые разделяют разные культуры². Ученый считает, что мы не замечаем этого сходства из-за того что не хотим его видеть, хотя достаточно лишь поискать его, чтобы найти. При верном подходе, продолжает Антвейлер, мы увидим утверждение прав человека не только на «Западе», но и в конфуцианстве, буддизме и исламе. Главный аргумент Антвейлера заключается в том, что идея «столкновения цивилизаций», выдвинутая американским

политологом Самюэлем Хантингтоном в конце прошлого века согласно которой отныне будут противостоять друг другу не нации, а культуры и религии, оказалась ложной.

Кажется, идеи Антвейлера затронули чувствительные струны. Мы уже наблюдаем признаки того, что культурализм сдает свои позиции. Многие авторы испытывают потребность в поиске нормативных тенденций, отнюдь не для того, чтобы отрицать реальность культурных различий, а для того, чтобы противостоять культурному релятивизму. Вопрос заключается в том, с чем нас, как человеческих индивидов, можно идентифицировать, помимо разделяющих нас культурных

и национальных различий? Многие ищут новые направления более или менее гуманистического характера, руководствуясь тем, что сам факт принадлежности к человеческому виду дарит нам новую форму всемирной солидарности. Я, со своей стороны, не думаю, что достаточно только этой принадлежности. Это слишком абстрактное понятие. Именно поэтому мы должны поскорее начать диалог между культурами и обсудить вопрос о том, что значит для человека достойная жизнь. Только в культуре и посредством культуры мы научимся воспринимать самих себя как человеческих существ. Путем изучения и сравнения культур мы наконец сможем уловить те черты, которые объединяют нас всех. «Гуманистический поворот» и «культурный поворот» должны дополнить друг друга. Это значит, что гуманизм должен быть межкультурным и утверждаться путем диалога.

Извлекать уроки из традиционных гуманистических учений

Все культуры и цивилизации обладают гуманистическими традициями. Но «гуманистический поворот» не есть возврат к традиционным формам гуманизма. Одна из проблем этого традиционного гуманизма, заключается в том, что его различные формы основываются на историческом опыте, давно ушедшим в прошлое. Например, гуманизм эпохи европейского Возрождения не отделим от желания подорвать авторитет Церкви.

Вторая проблема состоит в том, что многочисленные формы традиционного гуманизма тесно связаны с натурализмом. Можно вновь привести пример гуманизма эпохи европейского Возрождения, целью которого было раскрытие «природы Человека», в гармонии с «природой во вселенной». Эта натуралистическая традиция по-прежнему чрезвычайно актуальна в различных научных кругах, где человеческую сущность пытаются свести к обычной работе биологического механизма. Отвернувшись от натурализма, новый гуманизм должен осознать, что мы становимся людьми в рамках культуры и посредством культуры.

1. Doris Bachmann-Medick, *Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*, Rowohlt Verlag : 2006.
2. Christoph Antweiler : *Mensch und Weltkultur* [Homme et culture mondiale], Transcript Verlag, 2010.

Но в то же время было бы ошибкой одним движением отбросить все традиционные формы гуманизма, которые присутствуют в самых разнообразных культурных наследиях. Ведь именно в них мы находим неопровержимые доказательства того, что люди разделяют – и всегда разделяли – основные идеи о смысле существования человечества. При этом, для того чтобы извлечь урок из других гуманистических традиций, недостаточно вновь утверждать то, что мы уже знаем. В своем труде, посвященном гуманизму в конфуцианстве Восточной Азии³, профессор Чунь-чи Хуан блистательно объясняет, что дальневосточное конфуцианство изначально находится в поиске гармоничных отношений между людьми и социальным и культурным миром, к которому они принадлежат. Мы не можем не думать, что такое сильное чувство, как «мировая гармония» могло бы помочь нам преодолеть экологические и социальные катастрофы, сопровождаемые современным разрушением природного мира и нашего социального окружения. Эти вопросы должны быть включены в межкультурные перспективы. И я убежден, что гуманитарные и социальные науки предоставляют нам широкие возможности для развития межкультурного диалога между различными традициями гуманизма.

Общий опыт дегуманизации

Идея, высказанная Эрихом Фроммом⁴, состоит в том, что, несмотря на наши различия, мы все же можем прийти к общему гуманистическому пониманию. Гуманизм всегда является следствием отчуждения. Это – крик возмущения, брошенный теми, кто опасается, что достойная и гуманная жизнь исчезает. В нашем мире, индивидуальный опыт может быть чрезвычайно разнообразным. Возможности у всех неодинаковые, а экономическая, политическая и военная власть распределена неравно.

Но в то же самое время это мир, в котором определенный *опыт отчуждения* помогает превозмочь эти отличия. Мы *все* страдаем от разрушения нашего природного окружения. Мы *все* живем в обществе, где социальные отношения увядают из-за растущего чувства недоверия. Более обеспеченные люди могут попытаться восполнить эти убогие социальные отношения потреблением, а самые ущемленные

страдают от невозможности удовлетворить желание потреблять. В большинстве регионов мира люди подвержены старым и новым формам насилия и несправедливости, а поведение политических и экономических институций таково, что население не может идентифицировать себя с ними.

В этом случае, несмотря на местные и социальные различия, дегуманизация переживаемая людьми по всему миру, служит средством их сближения. И нам, конечно, легко извлечь из этого урок, в особенности если мы сравним современные культуры в глобальном масштабе. Южная Африка Д.М.Кутзее⁵ похожа на Бразилию Рубена Фонсеки⁶. Критика современного мира Октавио Паса⁷ не отличается от критики Теодора Адорно⁸. Сравнительные исследования в области гуманитарных и социальных наук могли бы расширить наше понимание дегуманизации, от которой сегодня страдают люди во всем мире.

В то же время «гуманистический поворот» не должен восприниматься как задача ограниченная рамками научных или интеллектуальных кругов. Немецкий историк Йорн Русен недавно подчеркивал, что гуманизм должен также иметь «практические» цели: «Понятие гуманизма всегда следует ставить в социальный контекст, чтобы оно было более правдоподобным, и находить ему место в реальной жизни»⁹.

Ежедневный гуманизм

То, о чем говорит Русен, мне кажется чрезвычайно важным. Действительно, мы можем надеяться на то, что гуманизм будет способствовать развитию не только теоретической и абстрактной, но и гуманистической культуры, лишь в том случае, если ему удастся оказывать целенаправленное влияние на наш образ мыслей и поведение в обычной жизни. Подобный «перевод» гуманистических идей и ценностей в ежедневную политическую, социальную и экономическую практику, является прежде всего задачей политических и экономических институций. Но и здесь социальные и гуманитарные науки могут сыграть свою роль. Они должны направить хотя бы часть своих усилий на воспитание и распространение гуманистической культуры за пределы этой каменной стены.

Гуманистический поворот, наблюдаемый сегодня во многих научных и социальных кругах,

в основе своей мотивирован необходимостью преодолеть наше восприятие культурных различий, чтобы попытаться найти, что же между нами общего. Вместо того, чтобы судорожно искать универсальность в биологической природе, или думать о том, что универсальная гуманистическая культура может быть придумана или навязана другим культурам, нынешний гуманистический поворот исходит из принципа, что гуманистические идеи и ценности уже существуют в различных культурах.

В то же время этот новый гуманизм признает, что современному миру нужны нормативные ориентиры, на которые может опираться все человечество. Этот новый гуманизм также является продуктом коллективного опыта отчуждения, вызванного современностью во всем мире. Но его главная задача заключается в переводе идей и ценностей в ежедневную практику. ■

3. Chun-chieh Huang, *Humanism in East Asian Confucian Contexts*, Transcript Verlag, 2010.

4. Эрих Фромм (1900-1980), американский психоаналитик и гуманист родом из Германии. Автор работ «Бегство от свободы» (1941), «Искусство любить» (1956), «Здоровое общество» (1955).

5. Д.М.Кутзее, южноафриканский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 2003 г.

6. Рубен Фонсека, бразильский писатель. Октавио Пас (1914-1998), мексиканский писатель и эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1990 г.

8. Теодор Адорно (1903-1969), немецкий социолог, философ и музыковед.

9. Jörn Rüsen/Henner Laass (éd.), *Humanism in Intercultural Perspective. Experiences and Expectations*, Transcript Verlag, 2010.

Оливер Козларек, профессор политической и социальной философии Института философских исследований при университете Universidad Michoacana de San Nicolás в Хидалго (Мексика). В 2007-2009 годах он участвовал в научном проекте «Гуманизм в эпоху глобализации» и с 2010 года возглавляет мексиканский проект «Современность, критика и гуманизм». Он является соавтором обширной коллекции трудов о межкультурном гуманизме. Среди его работ, в частности: *Humanismo en la época de la globalización: Desafíos y horizontes* (2009) (в соавторстве с Йорном Русеном), *Octavio Paz: Humanism and Critique* (2009).